

Черногорские традиции в контексте модернизации рубежа XIX–XX вв.

Abstract:

Khlebnikova V. B. *Montenegrin Traditions in the Context of the Modernization of the Frontier.*

The article demonstrates how the ancient tribal Montenegrin traditions and customs interweaved with the new social events caused by the modernization and the build-up of the state. The issue of traditions in the era of renovation does not have an unequivocal answer.

Ключевые слова: Черногория, модернизация, патриархальный уклад, обычаи, государственное строительство.

В гуманитарных науках существуют две точки зрения на то, какую роль играют исторические традиции в эпоху модернизации. В одном случае исследователи смотрят на традицию как на помеху, встающую на пути прогресса, как на некий пережиток старины, который следует преодолеть во имя обновления. Вторая точка зрения отвергает этот упрощенный взгляд. Ученые, особенно востоковеды, утверждают, что историческая традиция – это культурная универсалия, хранящая в себе механизм передачи и воспроизведения исторического наследия. Более того, в период модернизации традиции становятся особенно важны, так как выполняют две исключительно полезные функции: селекционную и адапционную. То есть отсекают чуждые, неприемлимые в данном обществе формы, и приспособляют к национальным условиям то, что может ускорить поступательное развитие народа. Проблема изучения традиционного общества в эпоху модернизации заключается в том, что под натиском индустриальных цивилизаций оно быстро деформируется и исчезает. Часто наука просто не успевает зафиксировать стартовое состояние общества и изменения, которые произошли по ходу реформ. В этом смысле черногорская история представляет собой счастливое исключение. Благодаря подвижнической жизни русского слависта П.А. Ровинского (1831–1916) в Черногории на рубеже XIX–XX вв., был тщательно собран и систематизирован уникальный этнографический материал, дающий возможность проверить, как сталкивались и переплетались нововведения и традиции в княжестве, делавшем стремительный переход от племенного к авторитарному, а вскоре и конституционному устройству. Кроме того, в Архиве внешней политики Российской империи сохранились обстоятельные аналитические записки, обзоры, донесения российских дипломатов, работавших в княжестве, и в них содержится не менее надежная

историческая информация. Дошедшие до нашего времени материалы позволяют детально рассмотреть взаимодействие старого и нового во всех сферах общественной жизни Черногории – экономике, политике, культуре.

Начнем с экономики, на протяжении нескольких столетий носившей замкнутый характер. Противостоя Османской империи, черногорские племена оказались изолированными от внешнего мира и выключенными из европейской производственной системы, поэтому были обречены вести самое примитивное хозяйство. Скотоводство и земледелие носили натуральный характер, как писали иностранные наблюдатели, «семьи сами производили то, что нужно для жизни, остальное приобреталось путем грабежа». ¹ Передовой техники черногорцы не знали, их инвентарь не менялся на протяжении веков. Главным экономическим занятием до XIX в., по мнению П.А. Ровинского, была война, дававшая в качестве добычи многое из того, что необходимо для жизни. Черногорский народ довел до совершенства этот вид деятельности, превратился в сообщество, почти не принимающее никакой профессиональной ориентации, кроме военной. Стрелять, сечь врага, победить его в рукопашном бою черногорец мог, как никто другой в Европе. Однако оборотной стороной такой «специализации» стало специфическое, можно сказать нигилистическое отношение к ремеслу и торговле. Мирные профессии не пользовались уважением в княжестве, считались недостойными юнака, ими должны были заниматься представители соседних народов, но не сами черногорцы. Это стало причиной мучительного хозяйственного застоя в начале XX в., названного современником «экономическим крушением Черногории». ² Через 28 лет после международного признания княжества не наметилось значительного сдвига в отношении народа к производственной деятельности. Российский поверенный в делах Е.Ф. Штейн в донесении 1906 г. писал: «...Сельское хозяйство ведется тем же первобытным способом, к предметам вывоза: скоту, козам, рыбе, оливкам и сумaku за это время не прибавилось ничего, да и сами предметы эти ... продолжают вывозиться в сыром виде; продукты же из них приобретаются теми же черногорцами от иностранцев, главным образом от австрийских коммерсантов, за двойную, иногда за тройную цену. Сама торговля развивается исключительно в сторону ввоза...». ³ Неравноценный характер товарообмена с соседними странами объяснялся сохранением старинных предрассудков в отношении торговли. «...Сбыт излишка считался неприличным, так как свидетельствовал о нужде семьи, а следовательно, и о неспособности хозяина к доставлению средств к жизни. Такое понятие почти всецело удержалось в Черногории и теперь», – писал в 1912 г. российский дипломат А.А. Гирс. ⁴

В начале XX в., когда войны не было несколько десятилетий, героизм бывших воинов явно трансформировался в желание сделать карьеру в госу-

дарственном аппарате, стать чиновником-начальником во что бы то ни стало. Промышленность, банковское дело и торговля по-прежнему оставались малопрестижными. «Поэтому в Черногории ремесленник и торговец – парии, и быть и тем, и другим для гордого черногорца унижение», – заключал П.А. Ровинский.⁵ Княжеское правительство, само оставаясь патриархальным, редко задумывалось над тем, как преодолеть эти стереотипы и пробудить у своих граждан интерес к промышленной или коммерческой деятельности. Предпринимались неуверенные попытки создать земледельческую школу, ремесленные мастерские, но все начинания упирались в нехватку денег и специалистов. Князь Никола иногда публично брался за рабочие инструменты, чтобы показать, что никому не зазорно овладеть ремеслом. Но то, что прощали князю, не позволялось простому человеку. Острые на язык черногорцы насмешничали над теми, кто был готов заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы прокормить семью. Общественное мнение по-прежнему было на стороне величавших себя «господином», тех, кто за символическую плату, не выплачиваемую месяцами, проводил время в многочисленных и довольно бесполезных канцеляриях. Предпринимательство, которое могло бы дать неплохой доход, казалось менее достойным, чем бюрократический чин, обрекавший на полуголодное существование чиновников невысокого ранга. Нежелание заниматься хозяйством, перекладывание домашнего труда на женские плечи, имели побочное моральное действие. Мужчины, за редким исключением, «стали проводить свое время в кофейнях за картами. Кофеен этих расплодилось множество. Так, в местечке, имеющем всего 60 домов, я насчитал 27 кофеен», – отмечал А.А. Гирс.⁶ В Черногории появилось пьянство, о котором ни разу не упоминалось в описаниях иностранцев-путешественников XVIII – первой половины XIX вв. Когда же жизнь окончательно ставила черногорца в экономический тупик, он покидал родину и отправлялся в США, где на рудниках и фабриках занимался той самой тяжелой физической работой, которую отказывался выполнять дома. Исход черногорцев в эмиграцию принял такой размах, что у российского военного ведомства возникли сомнения в оправданности денежной субсидии на содержание княжеской армии. В результате, страна так и не смогла вырваться из чудовищной нищеты, оказалась несостоятельным должником-банкротом; рыночная экономика оставалась в зачаточном состоянии. На этом примере исследователь-прогрессист мог бы смело утверждать, что укоренившиеся хозяйственные традиции оказались непреодолимым препятствием для экономического развития страны.

Однако и в этой безрадостной картине можно увидеть позитивные примеры взаимодействия старины и новизны. В начале XX в. черногорское правительство, не сумевшее организовать хозяйственный подъем страны,

пошло по пути повышения налогов с населения и заимствований в европейских банках. Внешняя задолженность росла так стремительно, что несколько раз Черногория оказывалась на грани банкротства. На помощь приходила Россия, бравшая на себя труд реструктурировать черногорские долги. Но и сами черногорцы не оставались пассивными в этой кризисной ситуации. В критические моменты «проснулись» и пришли в движение древние демократические племенные механизмы контроля над властью. Глава российской миссии в Цетинье П.М. Власов в 1900–1901 гг. обратил внимание на удивительное событие. Из внутренних областей страны были отправлены в столицу представители племен, старейшины, посмевшие начать с князем обсуждение весьма чувствительной темы: почему государство находится в состоянии финансовой катастрофы, в то время как народ регулярно выплачивает немалые налоги. По мнению Власова, это было своего рода требование дать отчет в расходовании государственных средств. Он считал, что в народную среду «проникает сознание необходимости преобразований».⁷ Через год П.М. Власов вернулся к этой истории. В депеше от 2 января 1902 г. он сообщал о поездке черногорского монарха за границу и подчеркивал: «В бесцельном пребывании князя Николая в Ницце здесь (в Цетинье – В.Х.) усматривают стремление его избежать или отсрочить обычное ежегодное свидание с главарями, которые могут поставить его королевскому высочеству неприятный вопрос о том, почему до сего времени он не сдержал формального обещания, данного им в 1900 г., ввести в княжестве административные и судебные реформы».⁸ Следовательно, простые черногорцы, хотя и медленно, но приходили к осознанию того, что относиться пренебрежительно к хозяйственной жизни больше невозможно, что безалаберность правительства требует от них самостоятельности и активности в финансовых, а, значит, и в экономических вопросах. Еще не забытая историческая традиция самоуправления наполнилась новым прагматическим содержанием – власть снизу получала толчок к модернизации.

Политическая жизнь Черногории после международного признания менялась крайне медленно. Долгое время сохранялся привычный догосударственный порядок управления на местах; по словам П.А. Ровинского, черногорец «все еще больше руководствуется своими старыми племенными понятиями и инстинктами».⁹ В конце XIX в. работавший в княжестве сербский юрист В. Богишич проводил своего рода социологические опросы, выясняя отношение народа к тем или иным новым институтам, в том числе к госу-

* Сначала князь Никола принял титул королевского высочества, а королем он стал только в 1910 г. Титул «королевского высочества» он выхлопотал себе для того, чтобы его старший сын смог жениться на внучке английской королевы Виктории в 1901 г. (АВПРИ, Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322. «Принятие князем Николаем королевского титула»).

дарству. Ответы были весьма красноречивыми: «Черногорский народ не знает другой государственной формы кроме той, во главе которой стоит государь, будет то владыка, князь или кто другой, но при всем этом считает, что при нем должно быть несколько отличных людей – сенаторов, которые чинили бы народу суд, а ему помогали управлять страной. И княжескую власть считают для себя законом и охотно исполняют всякое приказание его и его органов, если только уверены, что он дал им отличие не на основании пристрастия и интриги, а по правде. В противном случае они, конечно, и покоряются, но только из страха перед силой, а не вследствие того, что не хотели бы тем сделать негодное князю», – комментировал П.А. Ровинский результаты опроса В. Богишича.¹⁰ Таким образом, судя по наблюдениям ученых, принимая монархическую форму правления, черногорцы не проявляли склонности к ее сакрализации. Превыше всего они ценили справедливость власти, ее умение вести диалог с народом через самых достойных представителей. Самоуправство, произвол, неудачные управленческие решения власть имущих осуждались обществом. «Тешко је ногама под лудом главом» («тяжело ногам под сумашедшей головой»), «с главе риба смрди» («рыба тухнет с головы»), – говорили в таких случаях. Столь рациональное и демократическое видение власти, хотя и родилось в недрах племенного уклада, вполне соотносилось с европейскими представлениями о государстве, как о продукте общественного договора. Демократические тенденции, нараставшие в политической жизни европейских стран в начале XX в., и древние патриархальные ценности черногорцев совпали по времени.

Традиционный взгляд черногорцев на власть выражался прежде всего в особом отношении к монарху и племенным вожакам. На князя Николу смотрели как на патриарха, мудрого отца, гаранта общественной справедливости. Он сам культивировал такое отношение к себе отчасти искренним, отчасти показным демократизмом. В монографии П.А. Ровинского можно найти романтические описания поездок князя по стране, его открытость и доступность, готовность выслушать любого, кто обращается за помощью. Он действительно был хорошо знаком с народной жизнью, знал многих своих подданных в лицо, по отцовски вникал в их проблемы. Это несколько не мешало монарху быть гневливым и быстрым на расправу, сурово наказывать провинившихся, возвышать одних и отправлять в опалу других. Этим Никола не отличался от любого абсолютного монарха, несмотря на то, что правил полуплеменной страной. «Военная дисциплина, под которой живет весь черногорский народ, устраняет возможность всяких протестов», – считал П.А. Ровинский.¹¹ Не будет преувеличением сказать, что князь эксплуатировал старинное уважительное отношение народа к старшему члену общества, привычку послушания вождям и митрополитам, чтобы построить

в стране вполне современный авторитарный политический режим. Здесь традиция помогала внедрению бюрократических новшеств, а не сдерживала их развитие. Современному исследователю очевидно, что князь, может быть даже интуитивно, использовал старину не столько для ускорения государственного строительства, сколько для укрепления своей единоличной власти. Маскировавшаяся под отцовскую абсолютная власть монарха породила всеобщее заблуждение в народе, что в случае затруднений и несправедливости необходимо обращаться к самому князю, который примет нужное решение вопреки приговорам любой судебной инстанции, созданной им же самим. Никола старательно поддерживал этот стереотип, вмешивался в судебные тяжбы, пересматривал приговоры по своему усмотрению, подрывая авторитет судей и повышая свой собственный.

Получалось, что в вопросах государственного строительства князь занимал противоречивую позицию. С одной стороны, он приложил немало усилий к созданию полноценного государственного аппарата европейского типа. Монарха не остановила даже острая нехватка денежных средств, он делал огромные долги за границей, лишь бы его страна стала вровень с другими европейскими народами. Не жалели финансов и на репрезентативные цели. Празднование юбилеев и свадеб, торжества по случаю провозглашения королевством в 1910 г. – все это было организовано на высоком уровне, если вспомнить, что еще недавно никто не знал ни дворцового этикета, ни государственного протокола. Однако эти усилия создавали только фасад монархии, но не повлекли за собой постоянной и кропотливой работы по повышению профессионального уровня управления.

С другой стороны, на протяжении долгого правления Никола так и не смог привыкнуть смотреть на власть с государственной точки зрения. По мнению нерасположенных к нему иностранных, в том числе российских дипломатов, он оставался помещиком, эксплуатировавшим свой народ. Ощущая себя отцом народа, а не высшим должностным лицом, Никола показывал пример государственного скептицизма, неверия в возможности им самим созданного госаппарата. В его сознании патриархальная составляющая оказалась сильнее модернистской, и своим собственным поведением князь тормозил развитие государственных навыков у черногорцев. Особенно ярко проявилось это противоречие в мировоззрении монарха в 1905–1908 гг., когда на почве введенной им конституции возникли острые политические конфликты в обществе. В частных беседах князь говорил российским дипломатам о том, что Скупщина и ее депутаты, несомненно, будут ему послушны.¹² Видимо, он полагал, что благодарность подданных за дарованные свободы станет гарантией их вечной лояльности короне. Каково же было изумление князя, когда выяснилось, что в стране существует поли-

тическая оппозиция, что у нее есть поддержка за рубежом, что критика режима находит живой отклик в среде учащейся молодежи, то есть тех, на кого государство должно опереться в будущем. Сначала правитель поступил как рассерженный отец семейства, посадив неугодных под арест и позволив разгромить оппозиционную газету «Народна мисао» («Народная мысль»). И только увидев неэффективность репрессий, всерьез занялся политическими комбинациями по подкупу и расколу оппозиции, которые позволили преодолеть сопротивление недовольных авторитарными порядками в стране. В этом было несомненное достоинство господаря, его мировоззрение было патриархальным, но методы политической борьбы он использовал самые современные. Очевидно в этой способности быстро учиться и перестраиваться крылся успех Николы на внутри- и внешнеполитической сцене.

Приблизительно такие же наблюдения можно сделать, анализируя поведение рядовых депутатов Скупщины и простых избирателей. Будучи неискушенными в вопросах политической тактики, они сначала вели себя достаточно прямолинейно, как на племенном собрании. Резко критиковали правительство, устраивали обструкции непопулярным министрам, требовали провести ревизию государственных финансов и т.д. Молодые представители оппозиции, подвергшиеся тюремному заключению и другим наказаниям, не долго думая схватились за оружие и составили знаменитый заговор бомбистов («бомбашка афера»). В то же время, от внимательного наблюдателя П.А. Ровинского не ускользнула такая важная деталь: депутаты первых созывов без труда овладевали новыми для них парламентскими протоколом, регламентом, процедурами. Славист считал, что на помощь пришли старинные обычаи: «Внешнюю сторону парламентаризма черногорская скупщина усвоила себе очень легко, может быть, благодаря тому, что у черногорцев исстари существовали скупщины, на которых всегда был порядок и совершенно свободные отношения между ее членами без различия, были то главари или простые черногорцы...».¹³ Следовательно, древние порядки, еще не забытые обществом, приходили на помощь в новой политической ситуации, которая менялась так быстро, что общественное сознание не всегда успевало ее «переварить». В оценке политической жизни княжества нельзя утверждать однозначно, что племенные пережитки были тормозом, в определенных ситуациях они были скрытым резервом только что родившегося государства.

Такая же сложная ситуация наблюдалась в вопросах влияния новых веяний, современных тенденций общественной жизни на традиционный семейный уклад. Вспомним самое специфическое качество черногорской патриархальной семьи – ее подчиненность племенному строю. Опираясь на поддержку своего племени и рассчитывая на его защиту, семья была вынуж-

ждена отказаться от значительной части собственной автономии, жить по общеплеменным правилам, даже если эти предписания вступали в противоречие с интересами семейства. Самый яркий пример такого противоречия – обычай кровной мести, сохранившийся в Черногории до XIX в. Он становился причиной многих затяжных межплеменных столкновений, нередко приводя к гибели целые семьи. «Само собой разумеется, что обида, нанесенная одному из членов племени, считается обидой целому племени и наоборот: за обиду, совершенную одним из его членов, целое племя является ответчиком», - писал Ровинский.¹⁴ Сын, отец, родные и двоюродные братья, побратимы должны были в течение года обязательно отомстить за гибель или за оскорбление близкого человека. Племя не позволяло затягивать с мстью, создавая атмосферу общественного осуждения и недовольства, которые могли демонстрировать и женщины, что было особенно невыносимо для черногорца. В прошлом обычай кровной мести, по мнению слависта, приводил к серьезной убыли населения: «Бывало разнузданное убийство, когда из-за пустяков кидались друг на друга, и тут падали десятки жертв».¹⁵ В XIX в. обычай кровной мести вступил в противоречие и с началами государственной жизни. С середины XIX в. правители только что провозглашенного княжества стали создавать систему судов и законодательства, упорно настаивая на решении споров с помощью государственных институтов. Законник князя Данилы 1855 г., первый более-менее систематизированный свод норм обычного и нового государственного права, категорически запретил защищать в своем доме того человека, которого власть намерена арестовать. Однако древний обычай предписывал брать под защиту любого гостя, переступившего порог черногорского дома. Если хозяин дома не выполнял предписания писаного закона и брался за оружие, представители власти имели право его убить.

Тем не менее, усилия государства не приносили должных результатов до тех пор, пока не начинали работать внутренние племенные механизмы самосохранения. Такой механизм описан в монографии П.А. Ровинского под названием «умирение крови». Этот обычай, такой же древний, как и сама мечь, уже почти исчез в Черногорском княжестве к концу XIX в., но сохранился в отдаленных уголках побережья Далмации, отданной в 1815 г. под власть Австрии. Поскольку это были пограничные с Черногорией земли, а авторитет П.А. Ровинского среди черногорцев был исключительно высок, его пригласили принять личное участие в обряде примирения двух племен в местечке Грбаль в 1890 г. Некий Иво Бойкович совершил два убийства и сам погиб, остался его сын, которому должен был отомстить сын погибшего. Однако племя не хотело нового витка насилия, кровник также не проявлял желания мстить. Поэтому старейшины стали вести переговоры о проведении

обряд примирения крови и в конце концов договорились о том, как произойдет эта процедура. Судя по описанию слависта, сложный и, можно сказать, мрачный обряд был выстроен таким образом, чтобы во-первых, вовлечь в него как можно больше людей – от грудных младенцев, которых матери несли в колыбелях, до старейшин, строго следивших за соблюдением малейших деталей. Во-вторых, обряд должен был произвести на всех неизгладимое моральное впечатление. Самый драматический момент наступил тогда, когда представители провинившейся стороны должны были передать пострадавшим свое оружие. Было собрано немалое количество старинных пистолетов и более современных револьверов, украшенных серебром и являющихся едва ли не единственной ценностью тех, кто был задействован в церемонии. По словам П.А. Ровинского, хотя заранее было договорено, что все вернут прежним хозяевам, напряжение достигло своего апогея. Выпустить из рук даже ненадолго оружие, которое из поколения в поколение передавалось в семье, было непосильной эмоциональной травмой для участников этого исключительного события. Закончился обряд подписанием специальных грамот о примирении и большим угощением, приготовленным для помирившихся сторон. Весь этот сложный и напряженный церемониал не был, по мнению П.А. Ровинского, простым театральным действием. Его воспитательное назначение состояло в том, чтобы показать, к каким тяжким последствиям приведет нарушение данных клятв, как много людей пострадает, если хотя бы один член сообщества не сдержит данного слова. Самому нарушителю грозили изгнание и разорение дома¹⁶. Такой на первый взгляд архаический механизм регулирования общественных конфликтов, по наблюдению российского ученого, действовал в конце XIX в. эффективнее, чем новоиспеченные государственные предписания и суды, работа которых была еще не на высоте. Старина как будто компенсировала недостаток современности, традиция помогала привить навык сдержанности и дисциплины, необходимый для новой государственной жизни.

Можно увидеть причудливое переплетение старого с новым и в других важных вопросах семейной и общественной жизни. Для патриархальной семьи было характерно четкое разделение ролей и довольно суровая власть старших над младшими. «Дети, хотя бы и имели уже своих детей, слушаются своих отца и матери до смерти их так же, как слушались, бывши сами еще детьми», – отметил П.А. Ровинский.¹⁷ Он неоднократно подчеркивал, что военно-патриархальный быт требовал беспепеляционной власти старших и безусловной покорности младших.¹⁸ Хозяин дома (домаћин) в мирное и в военное время решал судьбу своих домочадцев: распределял между ними домашнюю работу, вел сыновей на войну, совершал любые сделки с имуществом по собственному усмотрению, обращаясь за советом к близким только

тогда, когда считал нужным. При этом телесные наказания в черногорской семье были большой редкостью, иногда, рассердившись, мать могла шлепнуть шалуна, отец же практически никогда не бил детей. Скорее можно было увидеть, как разгневанный глава семьи выгоняет из дома палкой провинившегося взрослого сына. Для сравнения отметим, что если муж не обходился сурово с женой и не бил ее, то соседи могли подумать, что он просто боится своей половины. Бить детей не было принято, а женщин наоборот. Особенно тяжелым для черногорской молодежи было право старших без учета их чувств заключать браки. Часто бывало, что молодые люди не видели друг друга до свадьбы. Нередким было принуждение к браку со стороны родителей, чему попустительствовали православные священники. Государство старалось запретить подневольные браки, в своде законов князя Даниила 1855 г. содержалось предписание священникам обязательно выяснять за три дня до венчания, согласна ли невеста выйти замуж за выбранного родственниками жениха. Это новое предписание должно было заменить старую практику, когда родители, узнав о невыносимой семейной жизни дочери, забирали ее у жестокого мужа и даже могли выдать замуж вторично. Поскольку свобода разводов не согласовывалась с нормами канонического семейного права, Законник Даниила требовал искать развода только по церковным правилам.

У девушки и у юноши, судьбу которых решили родители, почти не было возможности избежать навязанной участи. Невесту брали из другого племени, сговор старших означал, что обратной дороги нет. Отказаться вступить в брак – означало нанести оскорбление всему племени. Народный эпос сохранил немало сюжетов, связанных с несчастными браками, а также с соперничеством племен за право брать в жены лучших девушек из самых влиятельных родов. Вообще, судя по устному народному творчеству, свадьба у черногорцев чем-то напоминала военную экспедицию. Представители соседнего племени могли отнять невесту по дороге в дом жениха. В результате пальба и гибель всех участников торжества, включая юную жену. Может быть, поэтому свадебные торжества по-разному воспринимались в черногорских семьях. Выдавая дочь замуж, родные печалились, так как почти теряли ее.¹⁹ Никто из близких родственников не провозжал невесту в дом жениха, она сама могла посетить родных после свадьбы лишь спустя долгий промежуток времени. «Всякая связь прерывается круто, сразу», – писал П.А.Ровинский, приводя народное выражение: «Девојка је туђи ручак» («девушка – чужой обед»). В доме жениха, напротив веселились как после военной победы. Племя, по словам П.А. Ровинского, было с «добычей». Покидая дом родителей, невеста не должна была оглядываться назад, за этим строго следили сопровождавшие ее братья жениха, иначе, по поверью, потомство

будет похожим на род жены, а не мужа. Когда девушка переступала порог дома жениха, ей давали в руки мальчика-младенца, чтобы в молодой семье рождались мальчики, а не девочки. Так начинавшаяся семейная жизнь не оставляла места любви и нежности. Верхом неприличия считалось проявление мужем заботы о жене и даже упоминание ее имени. Ни одна жена не смела при людях обратиться к мужу, не смела горевать и плакать, когда он уезжал на войну, оплакивать его на похоронах, хотя траур по мужу вдова носила до самой смерти.

Почти неограниченная власть старших над молодежью проявлялась и в том, что до конца XIX в. не приветствовались семейные разделы. П.А. Ровинский описывал два типа семьи – большую (задружна) – артельная) и малую («инокосна» – буквально одинокая), отметив, что предпочтение черногорцев отдавалось первой по экономическим и военным соображениям: «...В прежнее время, когда постоянно угрожала опасность, как со стороны внешнего неприятеля, так и от внутренних междоусобий, народ по необходимости переносил большую скученность в семье».²⁰ Славист лично был знаком с семейством, в котором было 57 человек. Чем младше был член большой семьи, тем труднее и бесправнее его положение, тем меньше у него возможности принимать самостоятельное решение. Младший брат должен был получать разрешение не только у отца, но и у старшего брата. «Это было нечто вроде военной дисциплины, вытекавшей из вечного военного положения. Но это вечное военное положение почти уже миновало, народ вышел или выходит из патриархальности, с которой никак не согласуются ни новые взгляды видевшей свет молодежи, ни новые формы государственной жизни», – считал П.А. Ровинский²¹. На рубеже XIX–XX вв. начались семейные разделы, только что сложившиеся молодые парные семьи нередко настаивали на праве жить самостоятельно. По мнению слависта, стремление отделиться и жить своей малой семьей было для молодежи равнозначно стремлению к свободе.²² Этот «молодежный бунт» начала XX в. вызвал некоторое замешательство в еще традиционном обществе. Государство заняло противоречивую позицию в конфликте поколений. В 58 параграфе Законника Данилы были прописаны довольно суровые наказания за непослушание старшим – штрафы, тюремное заключение, лишение наследства.²³ Однако в повседневной судебной практике чаще приходилось «одергивать» старшее поколение: «...Замечая со стороны отца злоупотребление своим старейшинством в ущерб остальным младшим членам семьи или со стороны мужа над женой, суд берет под защиту слабейшую сторону», – замечал П.А. Ровинский.²⁴ Он пришел к интересному выводу: «Случается, что черногорский суд решает дело вопреки Законнику Даниила и отделяет сына вопреки воле отца, наделяя его имущественными правами наравне с другими членами се-

ми».²⁵ Подобные судебные решения показывали границы применения обычая в эпоху перемен. Модернизация нуждалась в том, чтобы в спорной ситуации она могла опереться на традицию, но недостаточно эластичный обычай приходилось отменять или ограничивать его применение.

Больше всего патриархальный и военизированный характер черногорской семьи проявлялся в отношениях полов. О положении черногорской женщины на рубеже XIX–XX вв. не раз писали европейцы. П.А. Ровинский считал необходимым осветить этот сюжет со всех сторон и показать несправедливость однобоких оценок. Как в любом традиционном обществе, потомство в черногорской семье считалось знаком благополучия, бездетность Божьей карой. «Бездетная сноха смотрит какой-то сиротой и несчастной, и муж ее за то меньше любит, потому что и ему это служит укором», – делился своими наблюдениями славист.²⁶ Правда, в начале XX в. стала проявляться тенденция к снижению рождаемости, дипломат Е.Ф. Штейн заметил, что «многочисленное потомство начинает представляться многим черногорцам уже не как благословение свыше».²⁷

Однако, как бы ни радовало увеличение семейства, рождение сына и дочери имели диаметрально противоположное значение для черногорца. Появление на свет сына сопровождалось шумными празднествами, стрельбой из огнестрельного оружия, становилось предметом особой гордости. П.А. Ровинский утверждал: «Хвалится дом, когда в нем рождается много мальчиков. Тут отчасти выражается военный характер Черногории, а главное родовой взгляд: семейное имя, фамилия, держится только в мужском поколении».²⁸ Рождение дочери – факт, который предпочитали не афишировать, поэтому поздравления мать новорожденной в лучшем случае получала от самых близких родственников, а в худшем случае не получала совсем; ей не давали отдохнуть после родов, сразу нагружали тяжелой работой.

Так же резко отличалось воспитание мальчиков и девочек. В раннем возрасте девочка становилась помощницей по дому, к моменту совершеннолетия она – главная рабочая сила в доме, «если нет снох». Мальчик с раннего возраста пас скот, а все свободное время проводил в обществе взрослых мужчин, слушая их рассказы о героических походах. В 12–14 лет ему давали оружие, «да и до того времени он все хватает оружие отцовское, отчего нередко бывают и несчастья, особенно с того времени, как пистолеты заменили револьверы», – сетовал П.А. Ровинский.²⁹ С 14–16 лет юноша вместе с отцом отправлялся в военные походы, а с 18 лет военное дело становилось для него обязательным. В противном случае ни одна девушка не выйдет за него замуж. Совместное участие в военных действиях несколько уравнивало отца с сыном. Кстати, женщины тоже не оставались в стороне, когда началась война. Многие из них следовали за войсками, неся тяжелые грузы,

под пулями собирали раненых, уносили их с поля боя в безопасное место, выхаживали. Но на их социальный статус такая самоотверженность влияла мало.

В мирное и военное время основная домашняя работа лежала на женщинах, от которых в полной мере зависело благополучие в семье. Кроме того, переноска любых тяжестей, начиная с военной амуниции и кончая товарами, предназначенными на продажу, считалась исключительно женской работой. Иностранцы с удовольствием посещали Черногорское княжество во второй половине XIX в., считая такое путешествие приятным экзотическим приключением, не сопряженным с высокими рисками. Каково же было их изумление, когда навстречу шли группы женщин, несущих тяжелую поклажу, например, строительные материалы. А рядом шли мужчины с оружием в руках и вели беседы друг с другом. Кстати, переноска грузов неплохо оплачивалась и была источником семейного дохода. На эту «работу» посылали и юных девушек, и даже девочек-подростков. П.А. Ровинский описал случай с пятнадцатилетней девочкой, которая едва не погибла зимой, потому что не смогла донести до нужного места бочонок вина. Обессиленная девочка сидела на дороге и буквально замерзала. Ее спас проходивший мимо иностранец, который донес злополучную ношу, причем все, кто наблюдал за этой сценой, едко шутили на его счет. Исследователь расспросил местных жителей, чем бы все закончилось, если бы не подвернулся чужак. Черногорцы отвечали, что ребенок мог замерзнуть, что на подмогу могли бы прислать других женщин, и на крайний случай, двое мужчин отнесли бы бочонок на палке, не прикасаясь к нему руками.³⁰ П.А. Ровинский без труда нашел в истории страны рациональное объяснение этому, прямо скажем, негуманному обычаю. Мужчины не брали в руки тяжестей потому, что их руки всегда должны быть свободны для перестрелки, для того, чтобы дать отпор в случае неожиданного нападения. По мнению слависта, в старой Черногории, постоянно находившейся на полувоенном положении, мужчины и женщины были по сути равны: «Чрезмерное обременение черногорской женщины трудом уравнивается со стороны черногорца и его мучительными военными экспедициями, сопряженными с различного рода лишениями и страданиями, и с риском жизнью».³¹ Получалось, что в прежнем племенном быту было четкое ролевое разделение полов, мужчины и женщины поровну разделили тяготы военной жизни, обеспечивая жизне-способность общества в целом.

Однако ученому пришлось тут же признать, что старинный уклад уже не соответствовал новым условиям. Война ушла в прошлое, Черногория много лет не воевала, а ролевое и статусное разделение в семье не менялось. Подзадержавшаяся старина начала оказывать негативное воздействие на

семейные нравы, что не ускользнуло от внимания П.А. Ровинского. Неохотно (он вообще избегал негативных оценок, особенно когда речь шла о народных традициях) исследователь признавал, что «черногорец, опираясь на свое исключительное военное положение, злоупотребляет им, так сказать, балуется и не хочет работать как следует...».³² Таким образом, старинная традиция незаметно и плавно перетекала в новое качество – черногорский мужчина стал выступать в роли эксплуататора женщины.

И в этой новой социальной ситуации можно увидеть как начали действовать государственные институты, пытаясь решить проблему, с которой племенное общество прежде не сталкивалось. С одной стороны, государство брало под защиту женщин, карая за жестокое обращение с ними. Особенно много в этом направлении сделал последний правитель Черногории Никола. Он лично наказывал тех, кто грубо обращался с женами. «Николай помог значительно поднять женщину в глазах своего народа», – утверждал П.А. Ровинский.³³ С другой стороны, власть сама стала ущемлять слабый пол. В старые времена овдовевшая черногорка, которая одна воспитывала детей, имела полное право свободно распоряжаться семейной собственностью. Также обычай оставлял за замужней женщиной право поступать с личным имуществом, наследством так, как ей хотелось, без вмешательства мужа. Однако в 1888 г. в силу вступил «Имущественный законник Черногории», составленный В. Богишичем, и в нем говорилось, что без согласия мужа женщина не может распоряжаться своей собственностью. В случае длительного отсутствия мужа, она должна была обращаться в суд, чтобы получить разрешение на операции с недвижимостью. Таким же образом ограничивались имущественные и опекунские права вдовы. Она не имела права принимать важные решения без обращения в суд или к местным властям.

Это наводит на мысль о том, что социальный статус женщин снизился по сравнению с догосударственной эпохой. Ранее самостоятельная во всех домашних делах женщина-вдова в конце XIX в. попала под контроль административных и судебных органов. В монографии П.А. Ровинского утверждалось, что в племенном быту женщины, несмотря на внешние признаки неравенства (не садились в присутствии мужчин, целовали каждому пришедшему в дом мужчине руку, обмывали мужчинам ноги и т.д.), были равны с мужчинами в главном – вели хозяйство, воспитывали детей, в некоторых случаях могли выступать на народных собраниях. В прошлом женщины нередко являлись посредницами в деле примирения враждующих племен. Они не знали затворничества, пользовались полной свободой перемещения, что не всегда бывает принято в традиционном обществе. Обычай защищал жизнь, честь и достоинство женщины в любом месте наравне с мужчиной. Выходило, что в племенной жизни женщины обладали большим обществен-

ным весом и авторитетом. Это был парадокс модернизации. Современники-юристы объясняли этот парадокс тем, что черногорское правительство в своем правотворчестве формально заимствовало чужие нормы романо-германского права, автоматически отказалось от славянской специфики, состоявшей в более широких имущественных правах жен, и тем самым невольно снизило правовой статус женщин. Однако можно предложить и другую гипотезу. В обновляющейся Черногории срабатывали старые стереотипы, в соответствии с которыми женщины нуждаются в защите, но раньше это была защита от врагов, а теперь от себя самих, от необдуманных поступков. Руководители страны – носители патриархального сознания, как будто не очень верили в то, что в новой жизни женщина сумеет принять правильное решение и не нанести урона семье. Возможно, в этом проявилась некоторая дезориентация и растерянность черногорской элиты в условиях стремительного социального обновления. В целом, во всех семейных подвижках мы видим, как сочетаются действия государственно-правовых и традиционных институтов, причем иногда древний механизм работал успешнее, чем современный. Процесс обновления общественной и семейной жизни был достаточно противоречивым, некоторые его стороны выглядели как движение вперед, некоторые как возвращение назад. В одних случаях привлекательнее казались государственные мероприятия, в других – старинные обычаи и традиции.

В любом модернизирующемся обществе повышенное внимание уделяется сфере образования и просвещения, но особенно это было актуально для страны, пребывавшей пять столетий в культурной изоляции. П.А. Ровинский считал, что Черногория рубежа XIX–XX вв. «вступила на новый путь» в культурном отношении, стала «учеником и воспитанником» Европы.³⁴ Славист, много лет наблюдавший ярко выраженное стремление черногорского юношества повысить свой образовательный уровень, особо подчеркнул поддержку, которую оказывало в этом деле молодым старшее поколение: «Каждому дому приятно иметь хоть одного грамотного, который умел бы прочитывать что-нибудь и записать».³⁵ Небогатые семьи готовы были отдать последние сбережения сыну, решившемуся ехать на учебу за границу. Правительство поддерживало тягу к знаниям, открывая новые школы и посылая своих подданных получать высшее образование за рубежом. Но и в вопросах просвещения наблюдалось затейливое соотношение старых, идущих из прошлого, и новых, порожденных реформами, мотиваций, заставлявших получать образование. Иностранцы, помогавшие в XIX в. развивать систему народных школ в княжестве, отметили потрясающий энтузиазм учащейся молодежи. М. Костич, ректор богословской школы, открывшейся в Цетинье в 1867 г., вспоминал: «...Может быть, ни в одном учебном заведении, ни в

каком государстве Европы не было таких старательных, таких трудолюбивых учеников, какими были эти молодые люди в черногорской богословской школе! ... Они учились от зари до полного мрака». Заболевшего ученика преподаватели не могли уложить в постель, буквально отнимали у него учебники. Любовь к чтению была так велика, что дети воинов и пастухов основали школьное литературное общество под названием «Борац»». М. Костиц утверждал: «Чем больше они читали и знакомились с тем, что делалось у других народов Европы, тем больше сознавали, как во всем отстало их отечество и как поэтому они должны трудиться, чтобы сколько-нибудь продвинуть вперед умственное развитие своего народа».³⁶ Такая оценка делала честь черногорцам и могла вызвать искреннее восхищение, хотя на деле процесс просвещения народа был не так однозначен и прост, как казалось первым учителям княжества.

Во-первых, страстное желание учиться не избавило многих черногорцев от племенного эгоцентризма. Одна из самых трудных проблем, с которой столкнулись в XIX в. педагоги в княжестве, это межплеменная разнь среди учеников. Директор богословской школы М. Костиц и преподаватель единственной гимназии в Цетинье С. Матавуль (позже ставший известным писателем) вспоминали, как часто случались ссоры и драки между школьниками.³⁷ С. Матавуль насмешливо заметил, что враждующие между собой ученики сами поделились на «простых» и «знатных» («кућини» и «никоговини»), «грызлись как желтые муравьи», а наставники не успевали их мирить. М. Костиц считал, что драки были вызваны повышенной воинственностью школьников, «а также вечным трением между отдельными племенами, причем каждое племя хочет возвыситься над другим».³⁸ Враждебное отношение учащихся друг к другу в школе чаще всего удавалось преодолеть, но потом, когда черногорцы шли на государственную службу, племенной сепаратизм время от времени напоминал о себе.

Во-вторых, побудительные мотивы, заставлявшие молодежь упорно учиться, были разными. Довольно быстро выяснилось, что некоторые юноши мечтали стать высокообразованными не только для того, чтобы профессионально заняться наукой или просвещением. Диплом представлялся наиболее подходящим способом достигнуть положения «вожака», «господина», человека, занимающего высокую ступень на социальной лестнице. Уже отмечалось, как велико было стремление черногорца к такому статусу. Закончивший гимназию молодой человек не допускал мысли о том, что он останется в прежней социальной среде. «При врожденном стремлении черногорца к положению господина школа для него становится привлекательной не расширением знаний и умственного развития, а тем, что ведет его к занятию должности, освобождающей его от физического труда и суровой жизни

своих отцов. Высшее образование поэтому возбуждает и высшие вождедения, которым иногда и не в состоянии удовлетворить их отечество, вследствие чего они покидают его и ищут ожидаемого вне его пределов», – с горечью отмечал П.А. Ровинский.³⁹ Страна страдала от нехватки образованных людей, но получившие диплом черногорцы зачастую были нацелены не на культурный подъем своей родины, а на собственный карьерный рост, личное благополучие. Судьба отчизны отходила на второй план, погоня за успехом пришла на смену племенному самосознанию, так и не превратившись у некоторых в современный государственный патриотизм. Конечно, это относилось только к определенной части молодых специалистов, рядом с ними были и те, кто самоотверженно служил своему народу. Однако тенденция своего рода «карьерного космополитизма» была налицо. В Черногории постепенно формировалась прослойка образованных людей, которые могли бы стать носителями нового сознания, но эту немногочисленную просвещенную часть общества можно было упрекнуть в тех же слабостях, что были свойственны княжеству в целом. «Весь этот контингент шел в ряды чиновников и наполнял канцелярии, благодаря чему на развалинах патриархального быта водворяется канцелярщина, которая и завладела всецело народной жизнью»; «духом чиновничества прониклись даже священство и учительство», – писал П.А. Ровинский.⁴⁰

Возможно, такой приземленный подход к просвещению помешал преодолеть культурную отсталость страны. Современники отметили очевидные успехи княжества в деле ликвидации неграмотности, по общему признанию иностранных наблюдателей, младшее и среднее мужское население страны почти поголовно умело читать и писать. С большим трудом, но все же продвигалось и женское образование. Однако система среднего специального и высшего профессионального обучения так и не сложилась к началу Первой мировой войны. Конечно, главная причина этого – бедность и экономическая отсталость Черногории. Вместе с тем, «непрестижность» педагогической и просветительской деятельности, острая нехватка учителей, «чиновничьи» предпочтения молодежи тоже тормозили культурную модернизацию.

Таким образом, черногорская история рубежа XIX–XX вв. подтверждает правоту тех исследователей, которые отказались от негативной оценки старины, традиций и обычаев и призвали видеть в них полезный и гибкий общественный механизм. Традиции помогали народу не потерять в одночасье коренные ценности, сохранять свою идентичность в условиях бесконечных перемен и нововведений. Поскольку большая часть этих новшеств шла сверху, насаждалась властью (причем, самими суровыми методами), народ как будто искал опору в древних устоях, держался за них до тех пор, пока

сам не убеждался в необходимости обновления. Старинные обычаи на первый взгляд казались слишком громоздкими, театрализованными, часто негуманными, но при более внимательном рассмотрении они оказывались полезными и обществу и государству. Государство опиралось на них, когда ему не хватало профессионализма и опыта. Народ прибегал к ним тогда, когда государственные институты не справлялись с возникавшими конфликтами. При всей наивности и очевидной архаичности обрядовой стороны традиции, она была своего рода социальной защитой от неосторожных экспериментов и грубого давления извне.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 65.

² Там же. Л. 66.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 264.

⁴ Там же. Д. 5293. Л. 65.

⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь (1851-1907). Т. III. Петроград, 1915. С. 68.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 67.

⁷ Там же. Д. 3334. Л. 58 об.

⁸ Там же. Д. 3349. Л. 182 об.

⁹ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. СПб., 1897. С. 389.

¹⁰ Там же. С. 390.

¹¹ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 73.

¹² Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (далее – АОНМЦ). Ф. Приновљени рукописи. 1907. фасцикула LVIX. Депеша П.В. Максимова № 12 от 27 февраля 1907 г.

¹³ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 132.

¹⁴ Там же. Т. II. Ч. 1. С. 141.

¹⁵ Там же. Т. II. Ч. 2. СПб., 1901. С. 399.

¹⁶ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 2.

¹⁷ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. С. 204.

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ Там же. С. 196.

²¹ Там же. С. 218.

²² Там же. С. 202.

²³ Там же. С. 264.

²⁴ Там же. С. 279.

²⁵ Там же. С. 280.

²⁶ Там же. С. 211.

²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 264.

²⁸ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. С. 193.

²⁹ Там же. С. 217.

³⁰ Там же. С. 225.

³¹ Там же. С. 222.

³² Там же. С. 223.

³³ Там же. С. 232.

³⁴ Там же. С. XXII.

³⁵ Там же. С. 416.

³⁶ Там же. Т. III. С. 291-292.

³⁷ *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Београд, 1953. Сабрана дела. Т. IV. С. 92.

³⁸ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 291.

³⁹ Там же. Т. II. Ч. 1. С. 417.

⁴⁰ Там же. Т. III. С. 62.